

Г. Н. ВЛАДИМОВ: ПОСЛЕДНИЙ РОМАН О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Т. В. Демидович

Волгоградский государственный медицинский университет

Поступила в редакцию 20 сентября 2020 г.

Аннотация: в статье говорится о творчестве прозаика Г. Владимова. Дается обзор критики на его роман о Великой Отечественной войне «Генерал и его армия», вызвавший серьезную полемику в литературе конца XX века. Озвучиваются основные проблемы и творческие принципы романа.

Ключевые слова: Г. Владимов, Великая Отечественная война, роман «Генерал и его армия», критика, проблема, творческий принцип.

Abstract: in the article the author speaks about the work of the prose writer G. Vladimov. Gives a review of criticism on his novel about the Great Patriotic war «the General and his army», which caused controversy in the literature of the late twentieth century. The main problems and creative principles of the novel are stated.

Keywords: G. Vladimov, the Great Patriotic war, novel «The General and his army», criticism, problem, creative principle.

Владимов Георгий Николаевич (настоящая фамилия Волосевич) родился в 1931 году в семье учителей. Он не принадлежал к поколению фронтовиков, но война осталась в его памяти навсегда: гибель отца в военные годы, эвакуация из родного Харькова, захваченного немецкими войсками, неудачный побег на фронт, жесткий режим Суворовского училища, не законченного из-за ареста матери. Известно, что она была осуждена по 58-й статье и отправлена в лагеря в годы репрессий. Юридический факультет в Ленинградском университете. Пришлось поработать и в ленинградском порту. Мечты о литературе и близость их осуществления. Работа в «Литературной газете» — и впервые — статья о романе К. Симонова «Живые и мертвые» от четвертого февраля 1960 года: «Спасенная Россия» [1, 116]. Переезд в Москву, работа в отделе прозы либерального журнала «Новый мир». Очерки, публицистика, литературная и театральная критика. Командировки, журналистские задания, Курская магнитная аномалия...

Подробные сведения о биографии Владимова дает Биографический словарь под редакцией П. А. Николаева. В 1961 году в «Новом мире» опубликована повесть «Большая руда», которая стала «ярчайшим манифестом поколения “шестидесятников”» [2, 157]. В традиционном для социалистического реализма сюжете о «перековке» индивидуалиста Владимов сумел передать самоощущение личности, не способной смириться ни с каким гнетом, в том числе и с гнетом «коллектива». Автор пишет о личности, ценой гибели отстаивающей свое достоинство. На фоне прозы тех лет повесть выделялась глубиной трагизма, став

объектом бурного обсуждения в критике. Ирина Роднянская: «Конфликт настолько невыносим, что гибель героя воспринимаешь как облегчение» [3, 135]. В 1990 году в письме Льву Аннинскому автор сказал так: «Сдается мне, «Большая руда» так и не была понята до конца в свое время, когда о ней столько говорили и писали. Простая немудрящая история...» [3, 136]. Тогда же писателем начата «Повесть о караульной собаке». Это был ее первый вариант. В печать он не прошел и начал распространяться, по цензурным соображениям, в «самиздате», без имени автора. Сюжет повести несколько лет приписывался другим писателям, в частности — А. Солженицыну.

На несколько лет вокруг Г. Владимова установилось странное, интригующее молчание. А в это время писатель «сходил в море, выловил там селедку, сам просолился насквозь» [3, 137], — однако, кроме скупого очерка в писательской многотиражке, о нем — ни звука. Но Владимов привез из рейса замысел романа «Три минуты молчания», опубликованного в «Новом мире» в 1969 году (это была фактически последняя легальная публикация писателя в СССР перед долгим перерывом). Отдельным изданием роман выйдет без купюр только в 1976 году за границей, в Венгрии. В «Трех минутах молчания» вместо типического изображения «героев-тружеников» автор передает мысль о духовном неблагополучии, господствующем в современном обществе. Роман написан в виде своеобразного дневника героя, плавающего на сейнере с бригадой рыбаков, где опять в новом варианте — испытание сил личности, подвергающейся давлению «массы». «Лейтмотивной в произведении становится мысль о «трех минутах» полной тишины, обязательных в море (и в «море

жизни»), чтобы услышать «SOS» — сигнал одинокого погибающего и мольбу о помощи» [2, 157].

В 1975 году в заграничном, «антисоветском» журнале «Грани» опубликована повесть «Верный Руслан»: «Пес был обложен вдвое большим количеством страниц, и к своему исконному имени — Руслан — получил добавок в виде эпитета — Верный» [3, 138]. Мир в повести дан через восприятие караульной собаки. Хотя Руслан воплощает в себе лучшие «человеческие» качества, по воле людей они поставлены на службу человеконенавистническому делу. Сразу нельзя даже понять, осуждаешь ты его или оправдываешь, ясно одно — за всякое зло природа с неизбежностью мстит.

Постепенно надвигался разрыв с официальной властью. По рукам пошло письмо, в котором Владимов объявлял себя сторонником А. Солженицына в деле борьбы с режимом. Потом были публикации на Западе. В 1977 году он выходит из Союза писателей и в 1983 году эмигрирует в ФРГ. С 1984 по 1986 годы Владимов — главный редактор журнала «Грани». Печатается в «Посеве», выступает на радио «Свобода». В России в это время — постепенное «оттаивание» и надвигающаяся «перестройка». Публикуется «Верный Руслан». «Литературное обозрение» заказывает Л. Аннинскому рецензию на повесть. В письме к критику от тридцатого октября 1989 года Владимов пишет: «Я не держу читателя лагерными ужасами, но вся суть — в постоянном вывороте жизненной ткани с «добра» на «зло» и обратно, и весь ужас — что из элементов добра магическим образом составляется зло, что выстроился тот тоталитарный лагерь... еще и на честности и правде! Еще и на положительном Руслане. Кажется, еще чуток, и мы пойдем удивительный — и печальный — парадокс русской литературы: все норовят авторы представить нам героя «положительно прекрасного», а сволочная действительность не дает ни в какую, и поэтому <...> твой покорный слуга взял и собаку восславил, которую, к тому же, «следовало отстрелить» [3, 142].

В 1990 году — первые новости о «Генерале и его армии»: «Литературная газета» напечатала моего Гудериана, сильно потрепанного (как и интервью)» [3, 147]. В 1994 году роман публикуется в журнале «Знамя», в этом же году удостоивается Букеровской премии, а в 1995 году — Московской литературной премии «Триумф».

Роман «Генерал и его армия» стал итогом литературной деятельности Г. Владимова и занял, пожалуй, главное место в творчестве писателя. В начале шестидесятых годов Воениздат основал серию военных мемуаров. Для этого к маршалам и генералам направляли специальных корреспондентов, которые и собирали всю необходимую информацию. От «Литературной газеты» к командарму П. В. Севастьянову был направлен Г. Владимов. По материалам интервью у писателя возник небольшой рассказ «Генерал

и его армия», который был показан А. Твардовскому. В целом рассказ ему не понравился, однако Владимов свою работу продолжил.

Много полезного писатель узнал, общаясь с фронтовиками. Например, от В. Астафьева — что стрелять из танковой пушки большая морока: после трех-четырёх выстрелов башенный стрелок уже кашляет от дыма и не видит цель. От В. Ордынского — что с помощью Луны можно выстроить «параллельный веер». От Г. Бакланова — что, оказывается, снаряд не просто вкладывают в казенник, а вбивают толчком его медный поясок в нарезы; иначе снаряд не получит вращения, в полете закувыркнется и не долетит куда надо.

Количество критических статей, вызванных появлением романа, исчислялось десятками. Оценки критиков были крайне противоречивы. После публикации «Генерала и его армии» вышло обширное исследование В. Богомолова «Срам имут и живые, и мертвые, и Россия», в котором критиковалась документальная основа романа и его художественная концепция. Поддержал Богомолова еще один писатель-фронтвик — А. З. Анфиногенов, который отнесся к произведению Владимова как к обыкновенной творческой неудаче. Историческую достоверность в романе критикуют и другие писатели. Виктор Соснора считает, что «для тех, кто не воевал — писать по чужому опыту вообще невозможно» [4, 12]. Активно защищают автора от упреков в клевете В. Кардин [5], М. Нехорошев [6], Н. Иванова [7], А. Немзер [8] и другие. Очень высоко оценил роман А. Солженицын. А Кабаков писал: «Последний настоящий роман о последней настоящей войне написал Владимов» [9, 10]. Одним из самых активных защитников прозы Владимова стал критик и, впоследствии, друг писателя — Л. Аннинский [3, 10, 11, 12].

В споре, разгоревшемся вокруг романа, участвовал и сам прозаик. В своих статьях автор отстаивал право на условность как художественный приём при изображении исторических событий: «писать жизнь такую, какая она есть, невозможно. Вольно или невольно, художник группирует материал, сообразуясь со своей личностью; он пишет жизнь такую, какую он ее видит» [1, 111].

Главная тема творчества Г. Владимова — трагическая расплата личности за стремление к независимости. Тайна тайн — вопрос: как из положительных качеств и благих намерений индивида получаются отрицательные результаты? Суть владимовской драмы — в непрерывном «вывороте» жизни с добра на зло и обратно.

Как же повернуть обратно к «доброту» жизнь, уже прожитую на выворот, как вынести остатки честности на дне бесовства, когда бесовство и есть жизнь? Но не вернешь смысла в вывихнутую реальность, не выведешь никакой посмертной «справедливости» в истории, потому что и жертвы, и палачи уже легли друг за другом в эту землю.

Роман «Генерал и его армия» — тоже об этой трагической невозвратности. Цена победы — вот к чему прикован взгляд Владимова: «А сколько же в Мырятине этом жило до войны? Баб, стариков, детишек ты не считай, одних призывных мужиков сколько было? Да те же, наверно, десять тысяч. Которых я положить должен. Что же мы, за Россию будем платить Россией?» [14, 276]. Какой полководец решится заплатить эту кровавую цену? Почему русские люди с такой готовностью соглашались платить за Россию собственной кровью, но чаще — жизнью? Но бывают ли войны без жертв?

Ближе всех к ответам на эти и другие вопросы — главный герой романа — генерал Кобрисов, который помещен в тот центр, где скрещиваются все нити: и те, что идут из неприступной Ставки, и те, что идут из простреливаемого окопа.

В романе «Генерал и его армия» главная проблема творчества Г. Владимова — противостояние личности и массы — трансформируется в не менее значимую для писателя проблему «сохранения нравственной целостности народа» [2, 157] и цены спасения России: «Вторых «Войны и мира» мы не дождемся, масштабы были таковы, что не уместятся ни в какие тома. Я взял одну лишь операцию, из которой видно, что такое вообще операция, как она строится, какое в ней бывает столкновение интересов, страстей, честолюбий, оплачиваемых всегда чужой и, притом, большой кровью» [14, 218–219]. Великий полководец Жуков не одерживал бы своих побед, если бы «экономно планировал потери» или позволял себе слово «жалко». Генерал Терещенко не прославился бы как «командарм наступления» без «русской четырехслойной», как называл про себя эту тактику Кобрисов: «три слоя ложатся и заполняют неровности земной коры, четвертый — ползет по ним к победе. Вступало и обычное соображение, что раз уже столько потрачено сил, то отступить никак невозможно, и может случиться, «вырвет победу последний брошенный батальон» [14, 151].

Кобрисов же воюет не числом, а умением: «Не всегда это доблесть — бой навязывать противнику, иногда умней уклониться, — говорит он Ватутину, — больше потом возьмешь. Ты вот о «котлах» думаешь, об окружениях, да кто об них не мечтает. А знаешь, чем ты прославился уже, чем, может, в истории останешься? Двумя отступлениями. Под Харьковом и на Курской дуге. Это изучать будут, как ты сумел людей сохранить, технику всю вытащить» [14, 276].

Так, из значимой для прозаика проблемы цены спасения России «вытекает» вопрос о праве распоряжаться чужими жизнями. Владимовский Кобрисов понимает, что на войне не обойтись без жертв, но, как рачительный хозяин, он всячески «экономит» людей, следуя своему принципу — сбережение русского народа.

За спиной Кобрисова — еще два генерала: Власов и Гудериан. Андрей Власов — предатель, направивший оружие против своего народа, неимоверно тяжелой ценой отстаивающего свою независимость. В отзыве о романе Г. Владимова А. Солженицын говорит о власовской теме: «И как не воздать должное Владимову за его смелость не уклониться от темы (как увертливо или дуболомно уклонялись столькие его предшественники, лакировщики, наспех и прославленные). Он не побоялся выстоять встречный гнев и самую низкую брань <...> Только одной разработки этой темы было бы достаточно, чтобы роман Владимова навсегда остался отмечен в русской литературе» [15, 145–146].

Владимова интересует не сколько сам Власов, сколько его армия, ведь не все сдавались в плен — многие в него попадали. Писатель К. Д. Воробьев, воевавший в роте кремлевских курсантов, попал в плен в декабре 1941 года под городом Клин. Пройдя ряд лагерей на территории Литвы, бежал в сентябре 1943 года, организовав партизанскую группу, которая влилась в литовский партизанский отряд [2, 167]. Писатель Я. В. Смеляков, мобилизованный в начале Великой Отечественной войны, был взят в плен финнами. Впоследствии, на родине, он испытал все мытарства, уготованные в ту пору людям подобной судьбы: «проверку», лагерь, позже работал на подмосковной шахте [2, 648–649]. Но даже в такой ситуации у человека всегда есть выбор: остаться на своей земле или перейти на сторону Власова.

В рассказе В. Шаламова «Последний бой майора Пугачева» майор вспоминает приезды эмиссаров Власова с его «манифестом», приезды к измученным, голодным русским солдатам: «От вас ваша власть давно отказалась. «Всякий пленный — изменник в глазах вашей власти», — говорили власовцы. И показывали московские газеты с приказами, речами. Пленные знали и раньше об этом. Недаром только русским пленным не посылали посылки. Французы, американцы, англичане — пленные всех национальностей получали посылки, письма, у них были землячества, дружба; у русских — не было ничего, кроме голода и злобы на все на свете. Немудрено, что в «Русскую освободительную армию» вступало много заключенных из немецких лагерей военнопленных» [16, 405].

В «Генерале и его армии» генерал Кобрисов оказывается в сложной ситуации, когда идет с Шестериковым в Перемерки. Если бы верный ординарец не спас раненого генерала, Кобрисов мог бы оказаться в плену: «И эти, из Перемерок, еще при свете видели, кто к ним пожаловал, видели темно-зеленую его бекешу, отороченную серой смушкой, и смушковую папаху — разве ж с этим отпустят? Убитого раздеть можно, одежду поделить, а за живого — им, поди, каждому по две недели отпуска дадут» [14, 72].

В своем романе Владимов проводит мысль о том, что «Власову следовало опереться на оппозицион-

ные силы внутри фашистской армии, а после провала заговора — на Гейнца Гудериана, искавшего пути спасения Германии» [17, 335]. По этому поводу с писателем вел споры В. Богомолов, обвиняя прозаика в явной симпатии к Власову, РОА, Гудериану: «Г. Владимову, замороженному своими нескрываемыми симпатиями и привязанностями к Гудериану и Власову, будто и невдомек, что об альянсе между ними не могло быть и речи» [18, 85]. Владимовский Кобрисов знает, что в Мырятине находят его соотечественники, много размышляет об этом, пытается проанализировать ситуацию в которой оказался Власов, но приходит к выводу, что генерала нельзя оправдать, даже если других вариантов спасения собственной жизни, кроме плена, не было.

В генеральском «треугольнике» Владимов интересен и образ немецкого генерала. Генерал Гудериан — «старина Гейнец», опытный военачальник. Он хороший полководец, его любят солдаты. Тем не менее — он был и остается захватчиком. Это подчеркивается в орловской сцене. В камерах и подвалах городской тюрьмы были обнаружены сотни трупов — узников расстреляли за день или два до сдачи города немцам. Убедившись еще раз в жестокости режима большевиков (ни один из казненных не имел смертного приговора: были чаще всего с пятилетними сроками, были и вовсе не имевшие приговора, только еще подследственные), Гудериан приказывает выложить все трупы рядами на тюремном дворе и открыть ворота для всего города. Полной неожиданностью становится для немецкого генерала то, «как смотрели на него самого: со страхом и ясно видимой злобой. Будто и он был к этому причастен или тем виноват, что мертвые глухи к отчаянным мольбам откликнуться» [14, 106]. В разговоре с орловским батюшкой Гудериан высказывает сомнения в том, что, если бы его танки наступали медленнее, узников бы вывезли. К тому же, говорит он, «это мое ремесло, батюшка. Старинное и почтенное, Бог его не отрицает. Я только стараюсь делать свое дело как можно лучше <...> Но тех, кто это сделал, вы не упрекаете, вы о них молчите» [14, 107]. На что батюшка отвечает, поражая своим ответом немецкого генерала: «Но это наша боль, наша и ничья другая. Вы же перстами своими трогаете чужие раны и спрашиваете: «Отчего это болит? Как смеет болеть?» Но вы не можете врачевать, и боль от касаний ваших только усиливается, а раны, на которые смотрят, не заживают дольше <...> Ты пришел показать нам наши раны, а виселицы на площадях? А забитые расстрелянными овраги и канавы? А сожженные деревни с заживо сгоревшими стариками и младенцами?» [14, 107–108].

То, что Гудериан — захватчик, чужак, говорит и эпизод в Ясной поляне. В кабинете Л. Толстого за письменным столом великого русского писателя немецкий генерал перечитывает «Войну и мир»,

а затем пишет письмо своей жене, но идилличность картины снимает толстовский «интерьер». То, что Гудериан находится в имении великого художника, нисколько не волнует душу генерала. Для него это скорее — одно из очередных мест нахождения немецкого штаба. Впоследствии, его обвиняли в варварстве и «глумлении» над наследием русской культуры. В своих воспоминаниях Гудериан опровергает эти обвинения: «Я приказал оставить «замок» в полном распоряжении семьи Толстых. Мы расквартировались в «музее». Мебель и книги семейства Толстых были собраны в двух комнатах, а комнаты эти — заперты. <...> Не было сожжено ни единой планки мебели, ни единой бумажки. Все послевоенные заявления русских — это их фантазия. Я побывал на могиле Толстого. За ней хорошо ухаживали. Ни один немецкий солдат не тронул ее» [19, 281]. Тем не менее, подобно Л. Толстому, который в «Войне и мире» даже не допускал вопроса: хорошо или плохо оставаться под властью французов, Владимов не допускает и мысли: хорошо или плохо оставаться под властью немцев.

Можно ли оправдать А. Власова на суровом суде истории? И можно ли считать положительным героем немецкого захватчика? Во что обходится генеральское и маршальское честолюбие, бессовестность и профессиональная необразованность? Владимов не дает «однозначных» ответов, «он лишь заставляет задуматься над нашим общим прошлым, чтобы избежать ошибок в будущем» [20, 15].

Таким образом, тема Великой Отечественной войны до сих пор остается значимой для русской литературы и искусства. На протяжении многих десятилетий дискуссионным являлся вопрос: можно ли написать хорошую книгу о войне, не побывав на ней. И до сих пор на него не найден однозначный ответ. Можно сказать лишь, что Георгий Владимов, хотя и не участвовал в событиях 1941–1945 гг., однако воспринимал войну, как «личное» дело: «Наше поколение — также военное, хоть мы и не командовали ротами и не умирали на снегу. И, тем не менее, испытание войной коснулось и нас, причем в ту трепетную пору, когда характеры складываются» [13, 6]. Можно сказать, что роман «Генерал и его армия» — последнее крупное произведение прозаика, в судьбе которого была «военная» веха. Писатель стремится сказать свое слово о Великой Отечественной войне и раскрыть перед читателями «свою» правду. Внимание Владимова также привлекают к себе прежде всего будни войны, её неприкрашенный облик. Что касается системы персонажей, то основным творческим принципом при ее создании для Г. Владимова стал принцип «человеческого» содержания исторических событий. Все его герои — прежде всего люди, со всеми присущими им человеческими качествами: достоинствами и недостатками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимов Г. Собрание сочинений: В 4 т. / Г. Владимов — М.: АОЗТ «NFQ / 2 Print», 1998. — Т. 4: Литературная критика и публицистика. — 462 с.
2. Русские писатели 20 века: Биографический словарь / Под ред. П. А. Николаева. — М.: Большая Российская Энциклопедия: Рандеву — Ам, 2000. — 806 (2) с.
3. Аннинский Л. Удары шпагой: о Георгии Владимове (Воспоминания. Переписка) / Л. Аннинский // Знамя. — 2004. — № 2. — С. 134–177; № 3. — С. 153–185.
4. Соснора В. Литература и война / В. Соснора // Знамя. — 2000. — № 5. — С. 12.
5. Кардин В. Страсти и пристрастия: К спорам о романе Г. Владимова «Генерал и его армия» / В. Кардин // Знамя. — 1995. — № 9. — С. 199–210.
6. Нехорошев М. Генерала играет свита / М. Нехорошев // Знамя. — 1995. — № 9. — С. 211–219.
7. Иванова Н. Дым отечества / Н. Иванова // Знамя. — 1994. — № 7. — С. 183–193.
8. Немзер А. Одолевая туман / А. Немзер // Звезда. — 1995. — № 5. — С. 184–188.
9. Кабаков А. Всеобщая воинская невинность / А. Кабаков // Знамя. — 2000. — № 5. — С. 10–11.
10. Аннинский Л. Богомоллов. Владимов / Л. Аннинский // Родина. — 1995. — № 10. — С. 58.
11. Аннинский Л. Рубежи и упоры Георгия Владимова / Л. Аннинский // Дружба народов. — 1998. — № 10. — С. 219–223.
12. Аннинский Л. Спасти Россию ценой России / Л. Аннинский // Новый мир. — 1994. — № 10. — С. 214–221.
13. Диалог о прозе. Г. Владимов — Ф. Кузнецов // Литературная газета. — 1976. — № 7. — С. 6.
14. Владимов Г. Н. Генерал и его армия. Верный Руслан / Г. Н. Владимов. — М.: Эксмо, 2007. — 608 с.
15. Солженицын А. Георгий Владимов — «Генерал и его армия» / А. Солженицын // Новый мир. — 2004. — № 2. — С. 144–151.
16. Шаламов В. Т. Последний бой майора Пугачева // Шаламов В. Т. Левый берег: Рассказы. — М.: Современник, 1989. — 559 с.
17. Зайцев В. А. История русской литературы второй половины XX века: Учебник / В. А. Зайцев, А. П. Герасименко. — М.: Высш. шк., 2004. — 455 с.
18. Богомоллов В. Срам имут и живые, и мертвые, и Россия / В. Богомоллов // Свободная мысль. — 1995. — № 7. — С. 79–103.
19. Гудериан Г. Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939–1945 / Г. Гудериан / Пер. с англ. Д. А. Лихачева. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. — 574 с.
20. Рамзаева В. Роман Георгия Владимова «Генерал и его армия» / В. Рамзаева // Литература. Приложение к «Первое сентября». — 2005. — № 15. — С. 14–21.

Волгоградский государственный медицинский университет

Демидович Т. В., кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка и социально-культурной адаптации

E-mail: demidovicht@mail.ru

Volgograd state medical university

Demidovich T. V., candidate of philological sciences, lecturer of the department of Russian language and social and cultural adaptation

E-mail: demidovicht@mail.ru